

Как только семья Се завершила все посмертные дела, весь мир узнал, что Се Чжань умер, и его кончина была официально объявлена.

Живой Се Чжань больше не существовал, тот, чье имя всегда было связано с Сыма Янем, исчез навсегда.

Тот, кто лежал в боковом покое Чертога Тайцзи, теперь навсегда принадлежал ему.

Сун Янь, вернувшись из резиденции князя Инчуаня, почувствовал, как за спиной задул холодный ветер, словно кто-то наблюдал за ним. Обернувшись, он не увидел никого. Его бдительность была на высоте, и если он не заметил следов, значит, действительно никого не было.

Он был человеком способным, но без особых амбиций, иначе, благодаря своим военным силам, которые он накопил за годы в Ичжоу, он бы уже занял место императора. Его визит к Сыма Яню, если и имел какую-то цель, то лишь для того, чтобы досадить Хуань Линю.

Хуань Линь забрал то, что принадлежало ему, и он не мог просто так позволить ему издеваться над собой. Это было бы не в стиле Сун Яня. У него не было стремления быть выше других, но и ниже он себя не чувствовал.

Вернувшись в свой дом, Сун Янь взял бумагу и тушь и тут же нарисовал картину.

Се Чжань теперь испытывал сильное отвращение к Сун Яню. Он хотел просто закрыть глаза и отдохнуть, но Сун Янь не позволил ему приблизиться, снова взяв нефритовую подвеску и указывая на картину, спросил:

— Как ты думаешь, хорошо ли я нарисовал?

Се Чжань давно понял, что Сун Янь не осознает его присутствия — обычный человек не подумал бы, что дух может привязаться к нефритовой подвеске. У Сун Яня просто была привычка разговаривать с неодушевленными предметами. Се Чжань никогда раньше не встречал таких людей — внешне изысканных, но внутренне жестоких, с причудливыми привычками. Такой человек в его глазах был настоящей диковинкой.

Се Чжань невольно взглянул на картину, и его взгляд застыл.

На картине был изображен человек с длинными черными волосами, большими глазами, сверкающими, как вода, и изящными чертами лица. Это было одно дело, но когда он увидел нижнюю часть, он чуть не бросился на стену от стыда и гнева!

Сун Янь изобразил его обнаженным, лежащим среди ярких цветов, в позе, которая выглядела крайне соблазнительно и распутно!

Что за мысли были в голове у Сун Яня?!

— Тонкая талия, которую можно обхватить одной рукой, белые и длинные ноги, фигура действительно хороша, но этого недостаточно, чтобы свести с ума двух императоров, — задумчиво произнес Сун Янь, опираясь на руку. — Может, дело в его мастерстве в постели, в разнообразии утех?

Се Чжань промолчал.

Сун Янь специально пошел дразнить императора Юаньси, а теперь еще и размышляет над такими вопросами?

Он больше не хотел бросаться на стену, а хотел убить Сун Яня.

Как можно быть настолько бесстыдным?!

Сун Янь закрыл глаза, словно глубоко задумавшись, а когда открыл их, его взгляд упал на человека на картине. Его дыхание внезапно участилось, а в глазах появилось желание.

Се Чжань инстинктивно широко раскрыл глаза. Сун Янь лениво сидел, одетый в просторное белое одеяние, воротник которого был расстегнут, обнажая белую кожу и едва заметные мышцы... Многие знатные особы при дворе любили принимать порошок из пяти камней, часто обнажая грудь и расхаживая так, но Се Чжань к этому не привык и не одобрял, считая это недостойным. Однако, когда Сун Янь делал это, это выглядело по-своему изысканно и свободно. Вспомнив его картину, Се Чжань, знакомый с плотскими утехами, прекрасно понимал, что происходило с Сун Янем.

Се Чжань уже видел его бесстыдство, поэтому, если бы он сделал что-то еще более непристойное, это не стало бы неожиданностью.

Однако Сун Янь не сделал ничего более непристойного, а просто закрыл картину и вышел из комнаты.

Се Чжань тихо вздохнул с облегчением. Если бы он был человеком, на его лбу, вероятно, выступил бы пот.

— Господин, все о Се Чжане выяснено.

Се Чжань только что расслабился, но снова напрягся. Он уже умер, зачем Сун Яню нужно было его расследовать?

Куча книг была доставлена Сун Яню. Он взял одну, бегло просмотрел, зевнул и бросил ее в сторону. Очевидно, его история показалась ему скучной.

Се Чжань был человеком с огромным терпением, он умел сохранять спокойствие, поэтому со стороны всегда казался уравновешенным и невозмутимым. Но сейчас он впервые почувствовал желание взорваться.

Он чувствовал, как в его груди копится гнев, но ничего не мог поделать.

Он был привязан к этой нефритовой подвеске, а подвеска находилась в руках Сун Яня. Человек был как мясник, а он — как рыба на разделочной доске.

В доме Сун Яня не было женщин, но в зале Цинлань висел портрет женщины, который был точной копией его изображения на картине, поэтому он предположил, что эта женщина была той, кого любил Сун Янь.

Женщина, которая могла заслужить любовь Сун Яня и ответить ему взаимностью, должна была быть необычной.

Сун Янь сидел перед портретом, перед ним стоял гуцинь, его длинные и тонкие пальцы касались струн, извлекая прекрасные звуки.

Се Чжань хорошо разбирался в музыке, в его доме хранились древние мелодии, которые он собрал из различных книг и от других людей. Мелодия, которую играл Сун Янь, была ему знакома, но он никогда не слышал, чтобы ее играл кто-то другой.

Се Чжань, хоть и неохотно, но признал, что Сун Янь играл прекрасно. В высоких нотах была энергия, в низких — печаль, словно звучали копыта и мечи, шаги конницы, шествующей через крепости, а затем рассеивающиеся войска, освещенные закатом над песками и костями. Сун Янь сидел там, в своем белом одеянии, добавляя воздушности. Се Чжань невольно увлекся.

Но мелодия внезапно оборвалась на середине. Се Чжань очнулся, чувствуя неудовлетворенность, его взгляд упал на струны, в глазах появилось желание. Он любил гуцинь, это стало почти зависимостью, и, не прикасаясь к инструменту долгое время, он уже чувствовал зуд в пальцах.

Прерванная мелодия внезапно возобновилась, сливаясь с предыдущей, как будто это был единый поток, и невозможно было понять, что играли два разных человека. Се Чжань посмотрел на свои руки, не веря своим глазам. Его тело всегда было невидимым, поэтому он никогда не видел себя, а сейчас он увидел свои руки! В следующее мгновение он понял, что сделал. Повернувшись, он встретился взглядом с Сун Янем.

Сун Янь лениво сидел, его лицо не выражало ни удивления, ни страха, он был настолько спокоен, что это только усилило беспокойство Се Чжана.

Разве обычный человек в такой ситуации не закричал бы: «Привидение!»?

— Так это ты все это время следовал за мной, — через мгновение произнес Сун Янь, его глаза загорелись интересом.

Се Чжань дрожал от страха, он никогда раньше так не боялся человека. Сун Янь был сумасшедшим, он даже не мог представить, что тот сделает, если узнает о его существовании. Учитывая, как Сун Янь защищал Хэ Цзинь, он мог бы убить его снова. Но вспоминая картину, которую нарисовал Сун Янь, и его возбужденное состояние, Се Чжань... уже не мог представить, что он сделает.

Он был всего лишь призраком.

Если бы он не почувствовал зуд в пальцах, Сун Янь бы его не обнаружил. Но теперь сожалеть было бесполезно, Се Чжань смирился, он отделился от подвески и стоял там, как призрак, с выражением полного отчаяния на лице.

Сун Янь, опираясь на руку, смотрел на него и поманил пальцем.

Се Чжань покорно подошел и остановился перед ним. Вдруг в комнату ворвался ветер, заколебав занавески. Сун Янь протянул руку, словно поправляя чьи-то волосы, и с нежной улыбкой произнес:

— Твои волосы растрепались от ветра.

Се Чжань, стоявший с другой стороны, промолчал.

Значит, Сун Янь его не видел, этот сумасшедший просто пытался его обмануть. Се Чжань тут же успокоился, смотря на Сун Яня с каменным лицом, внутри кипит от ненависти.

Его невозмутимость перед лицом такого бесстыдного сумасшедшего полностью исчезла. Се Чжань больше всего боялся таких людей, ведь именно с таким бесстыдством Хуань Линь вошел в его жизнь и сердце.

Сун Янь в одиночку разыграл сцену глубокой любви между человеком и призраком, и, как наблюдатель, Се Чжань считал это чем-то неслыханным. К счастью, предыдущие безумства Сун Яня подготовили его, и он не почувствовал, что мир рухнул.

<http://bllate.org/book/16364/1479794>